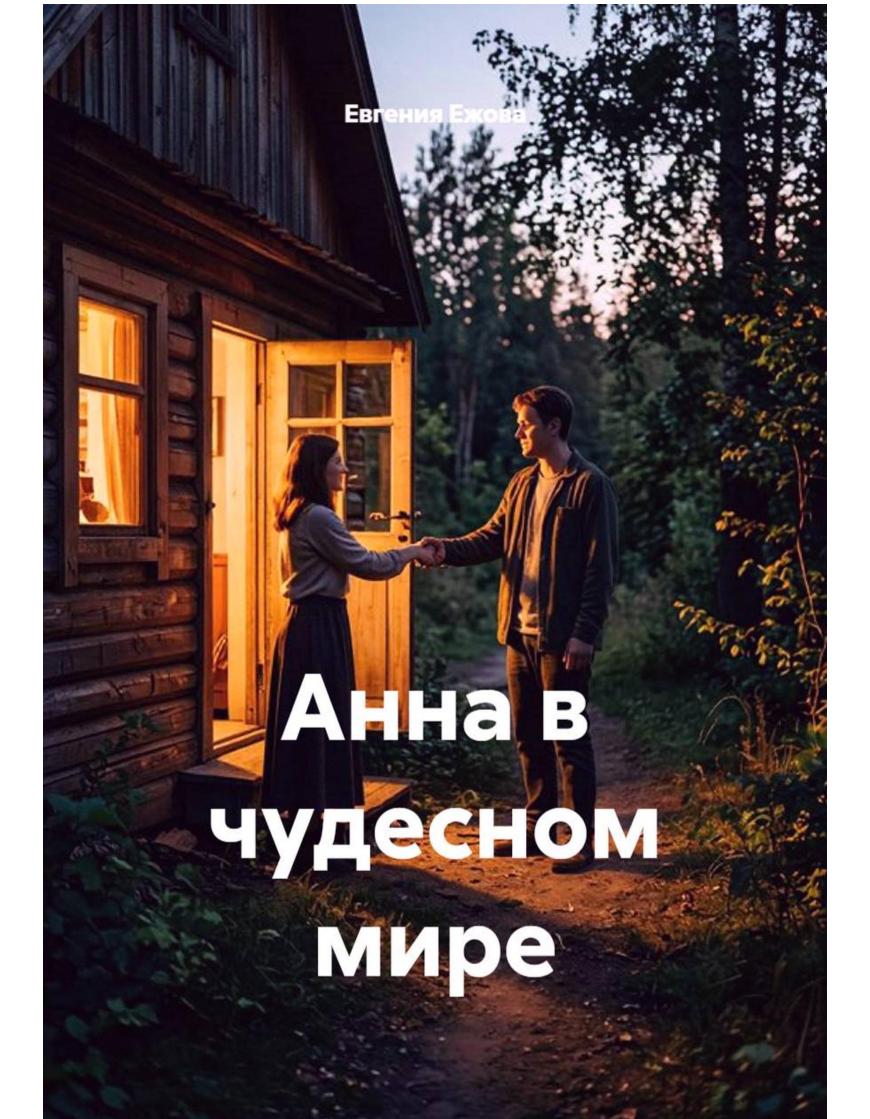

A romantic scene at dusk. A man and a woman are holding hands and looking at each other. They are standing on a dirt path in front of a rustic wooden cabin. The cabin's interior lights are on, and the warm glow from the open doorway illuminates the couple. The background is a dense forest with trees silhouetted against the twilight sky.

Евгения Ежова

Анна в чудесном мире

Евгения Ежова

Анна в чудесном мире

<https://litres.ru/74494079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добрая, уютная сказка о том, как рождается настоящая семья и как человек учится слышать мир вокруг.

Анна и Ждан находят своё место на опушке древнего леса — не в борьбе с его тайнами, а в бережном к ним отношении. Они обустривают дом, учатся вместе преодолевать трудности и видят, что сила — не в громких подвигах, а в простых делах: вовремя подать руку, держать фонарь, не пройти мимо уставшей земли. Тропа, которую они создают, становится дорогой уважения — к лесу, к его жителям, друг к другу.

В этой истории оживают мотивы русского фольклора: рядом с героями — мудрая и лукавая БабаЯга, степенный домовый со своей женой, загадочный Китоврас и озорные феи. Но главное волшебство здесь рождается не из заклинаний, а из чуткости: из чашки травяного чая у очага, из тихого признания, из знака на столбике у калитки, который говорит: «Здесь живёт любовь».

И о том, что даже самая тихая история может стать дорогой, по которой хочется идти снова и снова — рядом с тем, кто тебе дорог.

Евгения Ежова

Анна в чудесном мире

Глава 23

Ключ леса.

Анна, Ждан и Баба-Яга вышли к древней башне. В рассветных лучах башня дремала, как старый великан, — массивная, угловатая, будто выросшая из самой земли. Камни её были тёмными, почти чёрными, но местами тронутыми золотистым светом, словно память о былом сиянии. Над башней кружили редкие птицы, не садясь на стены — будто и они чувствовали: здесь граница, которую не стоит пересекать без приглашения.

— Вот она, — прошептала Анна, вглядываясь в высокие узкие окна, похожие на прищуренные глаза. — Та самая башня, о которой шептали в деревнях.

Ждан шагнул вперёд, осторожно, будто боялся спугнуть тишину. Камень под ногами был шершавым, холодным, но в нём чувствовалось едва уловимое тепло — будто сама земля помнила, что когда-то здесь билось сердце магии.

Баба-Яга остановилась чуть позади, опершись на посох. Её взгляд был острым, внимательным.

— Не просто башня, — проговорила она тихо, почти себе под нос. — Это начало. Источник. Когда-то она была не

сторожем, а домом. И не только для людей.

Анна повернулась к ней:

— Расскажи. Я хочу знать, как всё было.

Баба-Яга усмехнулась, но в этой усмешке не было насмешки — только усталость веков.

— Давным-давно, когда мир ещё не делился на «наше» и «чужое», башня стояла в самом центре волшебного края. Не как крепость, не как тюрьма — как сердце. В ней жила сила, которая питала леса, реки, поля и даже сны. А в её стенах жили смотрители — не волшебники, не короли, а те, кто умел слушать. Они не брали силу, они её берегли. И пока люди помнили, что дары нужно принимать с благодарностью, башня делилась с ними.

Она помолчала, глядя на тёмные камни.

— Сказочный народ — лешие, вилы, домовые, китоврасы — жили рядом, и между ними и людьми был договор: не брать больше, чем нужно, не ломать то, что растёт само, не гнаться за властью, которая тяжелее камня. Башня чувствовала этот договор. Она была его хранителем.

Ждан нахмурился:

— А потом?

— Потом пришли времена, когда слово «хватит» стало казаться обидным. Люди захотели больше: больше урожая, больше золота, больше власти. Они стали просить у башни не благословения, а подчинения. Хотели, чтобы она делала за них то, что должны были делать сами: заставляла реки

течь быстрее, деревья расти выше, врагов падать замертво.

Анна тихо вздохнула:

— И башня не дала.

— Башня не могла дать, — поправила Баба-Яга. — Сила не работает так. Она не инструмент. Но люди не хотели слышать. Они стали искать способы заставить башню слушать. Пытались взломать её тайны, выбить из камней секреты, подчинить себе её голос.

Она провела рукой по воздуху, будто ощупывая невидимую грань.

— Тогда башня сделала то, что должна была сделать. Она изгнала зрителей. Не как врагов — как тех, кто перестал быть хранителями. И погрузилась в сон. Но прежде чем закрыть свои ворота, она оставила ровно столько силы, сколько нужно, чтобы волшебный мир мог жить дальше: чтобы лешие находили тропы, вилы пели над реками, домовые берегли дома, а Китоврасы хранили границы между мирами.

Ждан посмотрел на башню с новым уважением — и с тревогой.

— Значит, если кто-то попытается разбудить её...

— То разбудит не только силу, — кивнула Баба-Яга. — А и память о том, как её пытались сломать. И тогда башня может не узнать друзей.

Анна медленно подняла руку и коснулась камня — лишь на мгновение. Холод ушёл, оставив под пальцами лёгкое тепло, будто башня вздохнула.

— Мы не хотим брать, — тихо сказала она, будто обращаясь прямо к башне. — Мы хотим понять. И, может быть, помочь.

Тишина вокруг стала глубже, словно сама башня прислушалась.

И в этот миг в одном из узких окон на мгновение мелькнул слабый золотистый свет — не яркий, не зовущий, а будто проверяющий: настоящие ли перед ней сердца?

Китоврас стоял поодаль, чуть в стороне от остальных, и чутко вслушивался не столько в звуки леса, сколько в саму тишину — в ту особенную, плотную тишину, которая бывает только рядом с древней магией. Его уши, чуткие, как у дикого коня, слегка подрагивали, а в тёмных глазах отражалась настороженность, будто он видел не камень и дерево, а потоки силы, стекающие по стенам башни и расходящиеся по земле миллиардами светящихся нитей.

— Здесь воздух тяжёлый, — тихо произнёс он, не поворачиваясь к друзьям, но зная, что они услышат. — Башня не спит по-настоящему. Она... присматривается. И ей не нравится, что мы стоим так близко и так решительно.

Анна обернулась, встревожено взглянув на Китовраса:

— Ты чувствуешь что-то плохое?

Китоврас медленно покачал головой:

— Не зло. Просто недоверие. Башня помнит, как к ней приходили с топорами и жадными глазами. Теперь она встречает каждого как возможного врага, пока не увидит,

что в сердце нет желания брать силой.

Ждан нахмурился, покосившись на тёмные стены:

— Тогда что нам делать? Стоять тут и ждать, пока она решит, можно ли нам подойти?

Баба-Яга хмыкнула, но в её голосе не было насмешки — только старая, проверенная мудрость:

— Сила не любит суеты. А башня — и подавно.

Китоврас наконец повернулся к ним, и в его взгляде читалась спокойная уверенность:

— Предлагаю остановиться на отдых под тем дубом, что растёт неподалёку. Пусть башня видит: мы не рвёмся внутрь, не стучим в ворота, не требуем ответов. Мы просто люди, которым нужно перевести дух. И заодно подумаем, как нам быть дальше.

Он махнул рукой в сторону могучего дуба — тот стоял в нескольких десятках шагов от башни, раскинув ветви, будто укрывая землю широкой тенью. Кора его была морщинистой, словно в ней хранились сотни историй, а листья шелестели так, будто шептали друг другу секреты.

— Под этим деревом всегда тихо, — добавил Китоврас чуть тише, почти про себя. — И спокойно. Словно оно помнит времена, когда башня и люди ещё жили в ладу.

Анна вздохнула, и напряжение, сковывавшее её плечи, немного отступило.

— Да, — согласилась она, глядя на дуб. — Пусть будет так. Хочется просто посидеть, послушать ветер и подумать,

что мы вообще можем сделать.

Ждан кивнул, хоть и было видно, что ему нелегко смириться с необходимостью медлить.

— Ладно. Но я буду держать ухо востро. Если башня вдруг решит, что мы слишком долго сидим...

Баба-Яга усмехнулась:

— Если решит — мы почувствуем. А пока... пусть будет тишина. Иногда она говорит громче любых слов.

Они двинулись к дубу, ступая осторожно, будто боялись спугнуть хрупкое равновесие между ними и древней силой. Когда все устроились в тени — Анна села, прислонившись спиной к тёплому стволу, Ждан присел на корточки, настрожённо оглядываясь, Баба-Яга оперлась на посох, а Китоврас остался стоять, вглядываясь в башню, — наступила та самая тишина, о которой говорила Баба-Яга.

Ветер шевелил листья, где-то далеко прокричала птица, а башня всё так же дремала в рассветных лучах, будто огромный старый великан, который прислушивается к шёпоту мира.

И в этой тишине каждый из них начал думать о своём — и о главном.

Анна вспоминала слова Бабы-Яги о том, как люди нарушили договор, и пыталась понять: можно ли его восстановить, если никто уже не помнит, как это делалось раньше.

Ждан размышлял о том, что сила башни — это не просто магия, а ответственность, и боялся, что они могут не спра-

виться с тем, что найдут внутри.

Баба-Яга думала о старых временах, когда мир был проще, а обещания значили больше золота, и гадала, хватит ли у них мудрости поступить правильно.

А Китоврас продолжал смотреть на башню и чувствовал, как её недоверие понемногу оседает, словно пыль после бури, уступая место чему-то другому — возможно, надежде.

— Мы пришли не за властью, — тихо сказала Анна, будто обращаясь сразу ко всем и ни к кому конкретно.

Китоврас едва заметно кивнул, словно башня могла его услышать:

— Именно это ей и нужно понять.

И тогда, под древним дубом, в рассветной тишине, они начали обсуждать, как им доказать башне, что их сердца чисты, и какой путь выбрать дальше.

Вдруг из-за старого дуба, будто вынырнув из тени, выскочил леший. Он был не страшным, а озорным: в волосах запутались сухие травинки, на плече дремала сонная белка, а глаза искрились, как утренняя роса.

— Ну-ка, ну-ка... — протянул он, приставив ладонь к уху. — Слышу, сердце башни ворчит. Не пускает? Оно и понятно: башня нынче никому не верит. Слишком много жадных рук тянулось к её силе.

Анна встала и шагнула вперёд, стараясь говорить спокойно:

— Мы не хотим ей зла. Нам нужно пробудить её, но не знаем, как доказать, что мы не с жадностью и злом пришли.

Леший хмыкнул, почесал затылок, а потом хитро подмигнул:

— Свои.... Это слово башне не докажешь. Она не ушами слушает, а корнями. Ей нужно не слово, а поступок. Пойдёмте, покажу одно место.

Он махнул рукой, и тропинка, будто сама легла под ноги — ровная, тихая, без сухих веток и колючек.

— Башня — она как старый дуб, — рассказывал леший на ходу. — У неё память долгая, обиды не забывает. Но и доброту помнит. Чтобы она поверила, нужно показать, что вы не чужие этому миру, что вы умеете помогать, а не только брать.

Тропа вывела их на небольшую поляну, укрытую от ветра. В центре стоял древний пенёк, покрытый мягким зелёным мхом, а рядом, прислонённый к камню, лежал странный предмет. Леший притопнул ногой, и мох на поляне будто вздохнул, расступившись. Он кивнул на ключ в руках Анны:

— Держите его не как добычу, а как обещание. Ключ дерева не открывает двери — он открывает сердца. Башня не верит словам, она чувствует, когда кто-то готов не взять, а отдать.

Баба-яга хмыкнула, но в глазах мелькнуло уважение:

— И что же мы должны отдать? Силу? Время? Кровь? Леший закатил глаза и рассмеялся:

— Да ничего такого страшного! Башне не нужны жертвы. Ей нужно увидеть, что вы — часть этого мира. Что вы умеете помогать просто так, не ожидая награды.

Он подошёл ближе и показал, как держать ключ: не за узор, а ладонью под низ, будто поддерживая его, как птенца.

— Смотрите: узоры на нём — это не просто резьба. Это следы корней, линии силы. Если сердце чистое, они начнут чуть светиться, как роса на паутине. А потом ключ сам подскажет, куда идти.

Анна сжала ключ, стараясь не думать о том, как сильно хочется поскорее разбудить башню. Вместо этого она вспомнила, зачем они здесь: не ради славы, не ради магии, а чтобы спасти лес, который столько раз укрывал их от беды. И вдруг дерево в её руке стало тёплым, а витые линии на поверхности мягко засветились тусклым зелёным светом.

— Вот оно, — прошептал леший, улыбаясь. — Башня присматривается. Теперь не спешите. Подойдите к основанию башни, туда, где камень будто дышит. И когда будете рядом, положите ладонь на стену, а ключ держите рядом, не прижимая. И скажите не «пробудись», а «мы здесь. Мы поможем». Просто и честно.

Ждан нахмурился:

— А если не сработает?

— Тогда башня попросит ещё одно доказательство, — спокойно ответил леший. — Может, попросит посадить семечко у её подножия. Или убрать камень, который мешает корням расти. Или просто постоять и послушать, как шепчет ветер. Башня проверяет не силу, а сердце.

Они двинулись обратно к башне — теперь уже не как просители, а как те, кто пришёл с делом. У самого подножия, там, где камень был шершавым и тёплым от утреннего солнца, Анна остановилась. Она приложила ладонь к стене, а ключ держала рядом, чувствуя, как тепло от дерева перетекает в камень.

— Мы здесь, — тихо сказала она. — Мы не хотим брать твою силу. Мы хотим помочь тебе снова стоять на страже. Если позволишь.

На мгновение всё вокруг замерло: даже ветер перестал шептать. А потом в толще камня что-то тихо щёлкнуло, будто сдвинулся древний засов. И по стене от самой земли поползла тонкая зелёная линия — как молодой побег, только из света.

Леший довольно потёр руки:

— Ну вот. Первый шаг сделан. Башня ещё не проснулась, но она уже слушает. Дальше будет проще.

Ждан осторожно спросил:

— А как нам показать башне, что мы хотим помочь?
Леший улыбнулся:

— Сейчас увидите. Возьмите ключ, но не спешите. Сначала вспомните, зачем вы сюда пришли. Не ради силы, не ради славы, а ради чего-то настоящего. И когда почувствуете это внутри — ключ сам поведёт вас к башне. Он знает дорогу лучше меня.

Баба-яга прищурилась, будто проверяя, нет ли подвоха, но потом кивнула:

— Ладно. Пусть будет так.

Анна протянула руку и взяла ключ. На мгновение ей показалось, что дерево чуть потеплело, а узоры на нём будто сдвинулись, складываясь в новый рисунок.

— Чувствуете? — шепнул леший. — Башня присматривается. Теперь идите. И помните: не пытайтесь её заставить проснуться. Попросите. Как у старого друга, который устал и боится снова разочароваться.

Путники переглянулись. В их взглядах теперь была не только решимость, но и понимание: чтобы разбудить башню, нужно сначала показать ей, что они достойны её доверия.

Анна держала ключ в руке, и пальцы её чуть подрагивали — не от страха, а от напряжения момента. Она не произнесла ни слова вслух, но мысленно спросила у башни: «При-

мешь ли ты ключ дерева в знак доброй воли — моей и моих друзей? Мы не хотим брать, мы хотим помогать...»

Тишина стала густой, почти звенящей. Даже леший замер, прижав палец к губам, а Баба-яга тихо опустила посох. Ждан шагнул чуть вперёд, будто хотел прикрыть Анну, но тут, же остановился — понял, что сейчас нужно не действие, а доверие.

И башня ответила.

Снизу, у самого основания, камень тихо звякнул, словно сдвинулся крошечный, но очень древний засов. По шву между плитами поползла тонкая трещина — не грубый разлом, а аккуратная расщелина, будто башня, осторожно приоткрыла один глаз. Из неё, пробиваясь сквозь камень, как сквозь землю, вытянулся тонкий росток — нежный, светло-зелёный, похожий на молодую лиану. Он тянулся не к солнцу, а прямо к ключу, будто знал, что это за вещь.

Анна медленно, не сводя глаз с ростка, поднесла ключ. Лиана мягко обвилась вокруг него, приняла его, как принимают дар, и потянула внутрь, в сердце башни. Анна отступила на шаг, руки её опустели, но в груди стало теплее.

— Она взяла, — выдохнула она. — Она приняла.

Леший расплылся в широкой, почти детской улыбке и тихо хлопнул в ладоши:

— Вот это да... Башня не просто слушает. Она соглашается попробовать поверить.

Камень у подножия начал медленно теплеть, будто под ним разгорался тихий, ровный огонь. Тепло поднималось вверх, волна за волной, и по серым плитам, покрытым вековой пылью и мхом, стали проступать старые руны. Они не были высечены — они словно просыпались изнутри, проявляясь, как рисунок на влажной бумаге: витые линии, знаки корней и ветров, символы, которые шептали о равновесии и памяти.

Воздух вокруг башни изменился. Запах пыли и старого камня уступил место чему-то живому: пахло свежей листвой, влажной землёй, утренним лесом после дождя. Лёгкий ветерок пробежал по поляне, шевеля траву, и на мгновение показалось, что сама башня чуть выпрямилась, сбросив тяжесть долгого сна.

Баба-яга прищурилась, разглядывая руны:

— Давненько я таких не видела... Это не просто письменна. Это договор. Башня помнит, кто пришёл к ней с чистым сердцем.

Ждан коснулся тёплой стены и удивлённо улыбнулся:

— Камень как будто дышит.

Леший кивнул:

— Теперь она не просто спит. Она прислушивается. И если вы будете держаться того же пути — не брать, а помогать,

— она откроется дальше. Может, уже сегодня покажет, что нужно сделать, чтобы сон окончательно ушёл.

Анна посмотрела на друзей, потом снова на башню, где руны мерцали мягким светом, и тихо сказала:

— Спасибо, что дала нам шанс.

Башня не ответила словами, но где-то глубоко внутри неё что-то тихо щёлкнуло, как будто повернулся ещё один невидимый механизм, и тёплый свет на мгновение стал ярче.

Леший, чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к шёпоту листвы, и бодро заявил:

— Торопиться нынче некуда. Башня уже не спит мёртвым сном — она присматривается. А у меня с утра маковой росинки во рту не было. Неплохо бы пообедать, да и вам силы пригодятся.

Анна улыбнулась — после напряжённого ожидания даже простая мысль о еде казалась чем-то уютным и правильным.

— Ты прав, — кивнула Баба-яга, чуть смягчив строгий взгляд. — Сила нужна не только для чудес, но и для терпения. А терпение нынче важнее всего.

Ждан только облегчённо выдохнул: напряжение понемногу отпускало, и перспектива посидеть в тени, перевести дух, была ему очень по душе.

Леший щёлкнул пальцами, и тут же с веток посыпались лёгкие тени — это белки, шустрые и деловитые, закружились по поляне.

— Эй, мои помощницы! — весело позвал леший. — Собирайте-ка нам ягод спелых, грибов хороших да шишек с орешками. Да только самых лучших, не абы каких!

Белки зацокали, запрыгали с ветки на ветку, будто смеялись от удовольствия, и в считанные мгновения вокруг лешего выросла целая горка лесных даров: тёмно-красные ягоды земляники, крепкие боровики, аккуратные шляпки лисичек, горсть лесных орехов и даже пара шишек, из которых так приятно доставать семечки.

Достав из-за пазухи небольшой котелок, леший довольно хмыкнул:

— Вот и посуда есть. Сейчас устроим настоящий лесной обед!

И он весело пошагал на знакомую полянку к старому дубу, нахвистывая незамысловатый, но удивительно тёплый мотив старинной лесной песни — такой, что даже ветер будто подпевал ему в такт.

Друзья пошли следом. Анна шла чуть впереди, время от времени оглядываясь на башню: та теперь не казалась грозной и неприступной. Камень по-прежнему хранил древнюю силу, но в нём уже чувствовалось что-то живое — будто он дышал вместе с лесом. Руны на стенах мягко мерцали, словно напоминая: «Я слышу. Я жду».

На полянке леший ловко развёл небольшой, почти невидимый костерок — пламя было не красным, а золотисто-зелёным, будто в нём горели солнечные лучи и запах хвои. В

котелок полетели грибы, ягоды, щепотка душистых трав, которые леший тут же сорвал у корней дуба.

— Это чтобы вкус был как у самого леса, — подмигнул он. — Не просто еда, а память о нём.

Пока варево тихонько булькало, наполняя воздух ароматом пряных трав и свежих грибов, все расселись на мягкой траве. Баба-яга оперлась на посох, Ждан вытянул уставшие ноги, а Анна, закрыв глаза на мгновение, глубоко вдохнула: пахло мхом, нагретой корой и чем-то удивительно добрым.

— Знаешь, — тихо сказала она лешему, — спасибо, что не дал нам спешить. Иногда самое важное — просто посидеть и почувствовать, что ты не один.

Леший, помешивая варево деревянной ложкой, хитро улыбнулся:

— Лес всегда так: он не любит суеты. Он любит, когда к нему приходят сердцем, а не только ногами.

И когда похлёбка была готова, они ели её тёплой, прямо из котелка, передавая друг другу деревянную ложку. И в каждой глотке чувствовалось: башня не просто просыпается — она понемногу начинает доверять.

Китоврас расположился у широкого ствола дуба, оперся могучим плечом о кору и, чуть прищурившись, посмотрел на лешего:

— Расскажи, друг лесной, как башня впервые уснула? Кто был её первым зрителем? Должно быть, история не из простых, раз столько веков прошло, а память о ней всё ещё

камнем лежит.

Леший помешал ложкой в котелке, будто подбирая слова, чтобы они легли в рассказ ровно, как грибы в похлёбку. Потом улыбнулся и сел, подобрав ноги, прямо на мох — так, что вокруг него будто сама тишина стала гуще и уютнее.

— Да, история непростая, — начал он тихо, и даже белки на ветках притихли, будто тоже хотели послушать. — Первым смотрителем башни был человек по имени Верислав. Не колдун, не царь, а просто тот, кто умел слушать. Лес тогда был моложе, но уже мудр, а башня — ещё не каменной громадой, а живым сердцем: корни её уходили глубоко, ветви тянулись к небу, и она была похожа на дерево, только из камня и света.

Анна тихо выдохнула, представляя это: башню-дерево, дышащую вместе с лесом.

— Верислав не приказывал башне служить, — продолжал леший, глядя куда-то сквозь поляну, будто видел ту давнюю пору. — Он приходил к ней на рассвете и на закате, приносил воду из родника, сажал травы у корней, разговаривал с ветром, который гулял по её уступам. И башня отвечала: в её стенах просыпались руны, в воздухе звенела сила, и лес вокруг становился крепче, будто каждый куст знал своё место.

Ждан наклонился вперёд, ловя каждое слово:

— А почему же она уснула? Если он так о ней заботился...

Леший вздохнул, и этот вздох был похож на шелест листьев под тяжёлым дождём.

— Потому что пришли другие времена. Люди стали строить города, рубить леса и думать, что силу можно взять, как мёд из улья — просто выгрести и унести. К башне потянулись те, кто хотел сделать её крепостью, кто мечтал держать в ней сокровища или прятать тайны. Они стучали в её стены, кричали приказы, пытались высечь новые знаки поверх старых. Башня терпела, потому что помнила Верислава. Но когда один из таких гостей поднял руку на лес — свалил старый дуб, чтобы сделать себе трон, — она поняла: доверие — это не слабость. И тогда башня закрыла свои руны, спрятала свет и погрузилась в сон.

Баба-яга тихо постучала посохом по земле, словно отбивая ритм старой памяти:

— Значит, она не от усталости уснула. А от обиды.

— От обиды и от страха, — кивнул леший. — Боялась, что её силу используют, чтобы ломать, а не беречь. С тех пор она доверяла только тем, кто сначала помогал лесу, а уж потом просил о чуде.

Он снова помешал похлёбку, и в воздухе поплыл густой, пряный аромат.

— Говорят, Верислав так и остался рядом. Не умер, не ушёл — стал частью леса. То ли ветром, то ли тенью между деревьями, то ли голосом, который шепчет тем, кто умеет слушать. И если башня сейчас приоткрывается, значит, она слышит не только ваши шаги, но и ваше сердце. А может, и его голос где-то рядом.

На мгновение все замолчали. Только потрескивал тихий костерок, да где-то в глубине леса прокричала птица, будто подтверждала сказанное.

Китоврас медленно провёл ладонью по коре дуба:

— Тогда понятно, почему ключ был из дерева. Это не просто знак доброй воли. Это память о том, как всё должно быть: не брать, а беречь.

Анна посмотрела на башню, и ей показалось, что руны на её стенах чуть ярче засветились, будто кивнули в ответ. Камень по-прежнему был тёплым, а в воздухе всё сильнее чувствовался запах свежей листвы — как обещание, что лес помнит и не оставит.

— Спасибо, что рассказал, — тихо сказала Анна лешему. — Теперь я понимаю: чтобы её окончательно разбудить, нужно не заклинание, а поступок. Такой, какой сделал бы Верислав.

Леший подмигнул:

— Вот именно. А пока давайте есть. Сила нужна и для слов, и для дел.

И они снова взялись за деревянную ложку, передавая котелок друг другу, а над поляной тихо плыла та самая незамысловатая песенка лешего — теперь она звучала совсем иначе: как старая клятва, которую лес шепчет тем, кто готов его услышать.

Ключ воды.

Когда похлёбка была доедена, а деревянная ложка передана от одного к другому в последний раз, Анна невольно подняла взгляд на башню. И замерла.

— Смотрите... — тихо прошептала она, указывая на стену. — Там... что-то изменилось.

Все обернулись. На тёплой каменной поверхности, там, где раньше мерцали лишь витые линии рун, теперь отчётливо проступал новый знак. Он был не вырезан, не нарисован — он будто сам собой сложился из света и тени: силуэт извилистой реки, а на берегу — тонкая, склонившаяся ива, чьи ветви почти касались воды.

Китоврас прищурился, склонив голову набок, будто прислушивался к самому камню.

— Ага... — выдохнул он с улыбкой, в которой было и удивление, и радость. — Башня не говорит словами. Она показывает путь. Этот знак — зов. Она просит вас пойти туда, где река шепчет иве.

Леший медленно поднялся, его тень легла на траву, словно ещё одна древняя руна.

— Значит, первый шаг к пробуждению — не заклинание и не сила, а возвращение чего-то утраченного. Или помощь тому, кто в ней нуждается. Река и ива... В лесу есть одно такое место. Старая излучина, где вода течёт тихо, будто помнит старые песни. Но в последнее время замечают лесные

жители, что река там мелеет, а ива сохнет.

Баба-яга постучала посохом по земле, будто проверяя, твёрд ли путь:

— Вот оно. Башня не хочет, чтобы ей поклонялись. Она хочет, чтобы мир снова стал живым. Если река сохнет, а ива слабеет... — значит, в том месте порвалась связь. И нам нужно её восстановить. Закончил предложение Ждан.

Ждан встал, потянулся, стряхивая с плеча сухие травинки, и посмотрел на Анну:

— Тогда не будем терять время. Если башня доверяет нам настолько, чтобы показать этот знак, мы должны оправдать доверие.

Анна кивнула, чувствуя, как в груди разгорается тихая уверенность. Она посмотрела на руну, и ей показалось, что силуэт ивы чуть качнулся, словно кивнул в ответ.

— Верислав бы пошёл туда, — тихо сказала она. — Он бы не прошёл мимо.

Леший подхватил котелок, ловко спрятал его за пазуху и весело подмигнул:

— Ну что ж, тогда в путь! Только не бегите — лес не любит суеты. А я покажу тропу, где шаги звучат как песня, а не как приказ.

Он легко шагнул вперёд, и тропинка, будто сама легла под ноги — ровная, мягкая, устланная прошлогодней хвоей. Белки закружились над головами, будто провожая путников, а одна даже прыгнула Китоврасу на плечо, тихонько цокну-

ла, словно шепнула: «Не бойтесь, мы рядом».

Друзья двинулись следом. Солнце уже поднялось выше, и его лучи скользили по листве, зажигая в ней золотые искры. Башня осталась позади, но теперь она не казалась одинокой: её руны мягко светились, будто шептали: «Идите. Делайте доброе дело. Я смотрю».

Тропа, которую вёл леший, постепенно становилась всё тише: даже ветер будто прикусывал язык, чтобы не мешать. Листья не шелестели громко, а шептали что-то едва уловимое, и шаги путников звучали не как вторжение, а как часть этого шёпота.

Вскоре впереди послышался тихий, ровный голос воды — не весёлый плеск, а усталый, приглушённый звук, будто река старалась говорить но выходило вполголоса. Когда они вышли на берег, Анна сразу поняла: что-то здесь не так.

Река текла вяло, будто ей не хватало сил. Русло в одном месте было перегорожено огромным старым деревом, которое рухнуло поперёк потока. Вода пыталась пробиться сквозь щели, бурлила, но не могла течь свободно — она словно задыхалась. А ива на берегу стояла поникшей: её ветви свисали слишком низко, листья поблекли, кое-где виднелись проплешины, будто кто-то выгрыз их изнутри.

Анна остановилась, глядя в эту картину, и вдруг услышала тихий голос — не громкий, не чужой, а будто знакомый, будто тот, что звучит в памяти с детства.

«Не спеши жалеть. Спеши помочь», — прошептал голос.

Она вздрогнула и оглянулась на друзей.

— Вы слышали? — спросила она тихо.

Леший кивнул, не удивляясь:

— Это не призрак. Это место говорит. Может, голос Верислава, а может, сама река. Но смысл один: она ждёт, что вы не просто посмотрите, а сделаете то, что нужно.

Китоврас подошёл к упавшему дереву, примерился взглядом, провёл ладонью по шершавой коре.

— Дерево тяжёлое, старое, — проговорил он задумчиво.

— Но если мы сдвинем его вместе, освободим русло, вода снова потечёт свободно.

Баба-яга прищурилась, разглядывая иву.

— А с ивой дело другое. Вижу следы жуков-вредителей: они подточили корни и грызли кору. Тут сила не нужна, тут нужна сноровка. Надо убрать повреждённые ветви, присыпать раны золой и землёй, чтобы дерево не болело, да посадить рядом молодые побеги — пусть ива почувствует, что она не одна.

Ждан опустился на колени у берега, запустил пальцы в песок и вдруг вытащил несколько крупных камней, которыми кто-то или что-то завалило маленький родник, питавший реку.

— Вот откуда беда, — сказал он, откидывая камни в сторону. — Родник едва дышит. Если мы его расчистим, вода станет сильнее.

Анна посмотрела на всех по очереди, и в груди у неё разлилось странное тепло — не от волнения, а от того, что каждый знал, что делать.

— Тогда давайте не тянуть, — сказала она. — Каждый возьмёт своё дело. И пусть это будет не ради славы, а ради того, чтобы здесь снова стало хорошо.

Они взялись за работу.

Китоврас и Ждан, напрягая силы, раскачивали ствол, пока леший шептал что-то деревьям и ветру — и казалось, будто лес сам помогал: ветки расступались, земля становилась мягче, и наконец, дерево с глухим всплеском ушло в сторону, освобождая русло. Вода тут же ожила, зажурчала громче, побежала веселее, будто вздохнула с облегчением.

Тем временем Баба-яга ловко обрезала сухие и изъеденные ветви ивы, присыпала раны смесью золы и лесной земли, а Анна рядом сажала молодые побеги, приговаривая тихо:

— Держись, родная. Ты не одна. Мы здесь.

И стоило последним побегам коснуться земли, как ива будто встрепенулась: листья чуть посветлели, а одна тонкая ветка даже качнулась, словно кивнула в знак благодарности.

Когда всё было сделано, они отошли на шаг и замерли, слушая, как теперь звучит река — не устало, а свободно, как будто пела.

Леший довольно потёр руки и улыбнулся:

— Вот оно. Не заклинания, не гром, не молнии. Просто доброе дело, сделанное вместе. Башня это чувствует.

Тишина после работы была особенной — не пустой, а наполненной. Река пела свободно, ива чуть покачивала обновлёнными ветвями, будто прислушивалась к новому ритму жизни, а воздух стал чище, прозрачнее, будто вымылся вместе с водой.

И вдруг голос прозвучал не как шёпот, а ясно, так, что его слышали все. Не из какого-то одного места, а словно из самого леса — из ветра, из журчания воды, из шелеста листвы.

— Спасибо вам, добрые сердца, — произнёс голос Верислава, спокойный и тёплый, будто он стоял рядом, опершись на посох из старого дуба. — Вы не пытались взять силой — вы вернули жизнь. Этого башня ждала дольше, чем можно измерить годами.

Анна обернулась, будто хотела увидеть его, но видела только солнечный свет, пробивающийся сквозь листву.

— Мы рады, что смогли помочь, — тихо ответила она, будто разговаривала с самим лесом. — Но ключ... он ведь ещё не вернул башне её полную силу. Что нам делать дальше?

Голос мягко рассмеялся — так, как смеётся человек, который долго ждал и наконец, дождался правильных слов.

— Ключ вды должен стать ключом жизни, — сказал Верислав. — Сейчас он помнит только засуху. А чтобы башня приняла его окончательно, ему нужно запомнить воду — ту самую, что вы освободили. Напитайте ключ водой из этого

места, но не просто окупите. Пусть каждый из вас добавит к этому свой дар: слово, мысль, прикосновение. Тогда он станет не просто вещью, а обещанием.

Леший кивнул, будто и сам знал этот обряд, только ждал, чтобы его назвали вслух.

— Есть у нас способ, — шепнул он и достал из-за пазухи тот самый котелок, ещё тёплый от похлёбки. — В него наберём воды прямо здесь, у чистого русла. А потом каждый пусть скажет над ключом что-то своё — то, что идёт от сердца.

Ждан подошёл к воде, опустил на колени и зачерпнул ладонью, чувствуя, как прохладная струя скользит между пальцев. Он перелил воду в котелок — она была чистой, звенящей, будто в ней отражался весь лес.

Китоврас склонился над котелком, положил ладонь на край и тихо проговорил:

— Пусть эта вода несёт силу не для разрушения, а для защиты. Пусть ключ помнит, что сила — это ответственность.

Баба-яга коснулась поверхности воды кончиком посоха и усмехнулась, но в глазах её была серьёзность:

— Пусть помнит и хитрость, и мудрость. Пусть знает: иногда доброе дело начинается с того, что ты просто не прошёл мимо.

Анна взяла деревянный ключ и опустила его в воду. Он не

утонул — лёг на поверхность, будто хотел остаться на свету. Она склонилась над ним и прошептала:

— Помни тепло наших рук. Помни, что мы пришли не брать, а отдавать. Пусть башня знает: мы будем беречь этот мир.

Ждан положил ладонь поверх её руки, не мешая, просто чтобы быть рядом, и тихо добавил:

— И пусть знает, что мы не бросим начатое. Что бы ни случилось.

Вода в котелке будто стала светлее, а ключ — будто потяжелел не от влаги, а от смысла. Узоры на нём на мгновение вспыхнули мягким голубоватым светом, как будто впитали не только воду, но и все эти слова.

Леший осторожно достал ключ, стряхнул с него капли, и они упали на землю, как маленькие искры.

— Теперь он готов, — сказал он с улыбкой, в которой было и веселье, и глубокое уважение. — Теперь это не просто ключ. Это ключ леса и реки, ключ доверия и обещания. Башня его примет.

Словно в ответ, где-то вдалеке, у древней башни, руны на стенах вспыхнули ровным, спокойным светом — не тревожным, не грозным, а как будто приветственным. Камень стал ещё теплее, и даже издали чувствовалось: башня больше не прячется. Она ждёт.

— Пора возвращаться, — сказала Анна, глядя на ключ, который лежал у Лешего на ладони, лёгкий и в то же время невероятно значимый. — Она готова нас услышать.

Друзья переглянулись. Усталость была, но она была хорошей — усталостью от настоящего дела. И теперь в каждом взгляде читалось одно и то же: они знают, куда идут и зачем.

Тропа, будто став шире и приветливее, сама вела их обратно к башне. Теперь лес не прятал дорогу — наоборот, будто гордился тем, что эти путники здесь побывали и сделали доброе дело. Белки скакали впереди, как маленькие знаменосцы, а леший тихонько насвистывал тот самый мотив — и казалось, что даже ветер подпевает ему.

Когда башня показалась среди деревьев, Леший вдруг почувствовал, как ключ в его ладони едва заметно дрогнул — будто потянулся вперёд, к своему месту.

— Он знает, куда идти, — тихо сказал он, и в голосе его звучала не тревога, а уверенность.

У подножия башни, там, где камень встречался с землёй, из узкой трещины пробивался тоненький родник. Вода не вырывалась потоком — она появлялась бережно, капля за каплей, и собиралась в небольшую чашу, выточенную временем в корнях башни. Вокруг трещины вились тонкие побеги, похожие на живые нити, и в их изгибах угадывался тот же узор, что и на ключе.

Ключ в руке Лешего мягко засветился голубым светом, а потом вдруг сам собой скользнул вниз — не упал, а именно

поплыл, будто его тянула невидимая сила. Леший не удерживал его: он просто разжал пальцы, и ключ на миг завис в воздухе, словно прислушиваясь, а затем мягко опустился прямо в чашу с родниковой водой, лёг поверх побегов, точно вписавшись в узор.

На мгновение всё вокруг замерло. Даже ветер притих, а белки замерли на ветках, будто боялись спугнуть чудо.

И тогда башня вздохнула — не звуком, а движением. Камень, что немного выше основания чуть потеплел, трещины стали шире, но не от разрушения, а от пробуждения, будто камень растягивал затекшие плечи. По стенам побежали тонкие линии света — они сплетались, расходились, снова сходились, пока не сложились в знакомый рисунок: тот самый узор с ключа, только теперь он был частью самой башни.

Леший тихо ахнул и расплылся в широкой улыбке:

— Вот оно... Ключ не открывает дверь. Он становится частью башни. Он говорит: «Я здесь. Я с тобой».

Баба-яга постучала посохом по земле, и в этом стуке было уважение:

— Хороший знак. Значит, она приняла не силу, а верность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.